

ЗОЯ ЮРЬЕВНА ПЕТРОВА

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики и лингвистической
поэтики

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5390-8029; zoyap@mail.ru

ОЛЬГА ИГОРЕВНА СЕВЕРСКАЯ

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики и лингвистической
поэтики

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6277-9756; oseverskaya@mail.ru

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-0916-1161; nafata@rambler.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ОТСУТСТВИЕ РЕЧИ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: КОНСТРУКЦИИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ

А н н о т а ц и я. Статья посвящена проблеме описания системы метафор и сравнений русской литературы и ее эволюции. Рассматривается один из фрагментов этой системы – множество компаративных тропов русского поэтического языка XIX–XXI веков, образы сравнения которых относятся к лексико-семантической группе со значением отрицания говорения, входящей, в свою очередь, в семантическое поле «Язык, речь». Подобное исследование проводится впервые. Цель работы – представить целостное и многоаспектное описание фрагмента системы метафор и сравнений русской литературы, исследовать его эволюцию на протяжении около двух с половиной веков. Задачи – описание множества образов сравнения – элементов лексико-семантической группы «Отсутствие речи», выявление семантических классов предметов сравнения – описание эволюции этих классов, а также эволюции анализируемой ЛСГ образов сравнения в русском поэтическом языке XIX–XXI веков, анализ особенностей реализации образов сравнения указанной ЛСГ в поэтических текстах. При анализе языкового материала использовались корпусный метод, метод семантического поля, структурно-функциональный метод. В результате исследования был определен состав лексико-семантической группы «Отсутствие речи», проведен корпусный анализ ее элементов, выступающих в качестве персонификаторов в поэтических текстах. Выделены семантические классы предметов сравнения, характеризуемых рассматриваемыми персонификаторами – «Окружающий мир» («Природа» и «Предметы, созданные человеком»), «Время» и «Внутренний мир человека; социально-философский план; жизнь, смерть, судьба человека; языковые явления». Определен ранний срез исследуемого фрагмента метафорической системы – традиционные образы и предметы сравнения соответствующих компаративных тропов. Сделаны выводы об эволюции этого фрагмента на протяжении более двух веков развития русского поэтического языка, а именно об обновлении классов как предметов сравнения, так и образов сравнения. Особое внимание уделено эволюции образов сравнения ЛСГ «Отсутствие речи» – выявлено ее расширение за счет отношений словообразовательной деривации, синонимии. Показана роль стилистически отмеченных слов и фразеологически связанных сочетаний в обновлении традиционного семантического инварианта рассматриваемого класса компаративных тропов. Результаты исследования представляют фрагмент метафорической системы русского поэтического языка XIX–XXI веков в ее развитии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: персонификация, поэтический язык, метафора, компаративный троп, лексико-семантическая группа, молчание

Д л я ц и т и р о в а н и я: Петрова З. Ю., Северская О. И., Фатеева Н. А. Лексико-семантическая группа «Отсутствие речи» в русской поэзии: конструкции персонификации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.811

ВВЕДЕНИЕ

В системе компаративных тропов языка художественной литературы самую большую группу составляют конструкции со значением олицетворения, или персонификации. Образы сравнения этих тропов относятся к семантической категории «Человек», которая включает следующие основные классы: «Обозначения людей», «Движение», «Положение в пространстве», «Активные действия», «Социальный план», «Жизненный цикл», «Физические и психофизические состояния и свойства, процессы в организме», «Восприятие», «Язык, речь», «Интеллект», «Чувства» и др. Множество компаративных тропов, образы сравнения которых относятся к полю «Язык, речь», одно из самых значительных, разветвленных и широких по охвату предметов сравнения. В самом образном поле «Язык, речь» можно выделить две контрастные по значению лексико-семантические группы (ЛСГ). Одна из них включает слова, обозначающие разные типы говорения в конструкциях персонификации; эти слова уже описаны в работах авторов данной статьи [8], [9]. В другую ЛСГ входят слова с общим значением ‘отрицание говорения’: лексема *молчать* и ее дериваты (глаголы *замолчать*, *помолчать*, *помалкивать*, *примолкнуть*, *приумолкнуть*, *промолчать*, *умолчать*, *намолчаться*, *отмолчаться*, имена существительные *молчание* (*молчанье*), *умолчание*, а также обозначения лиц, мотивированные центральной лексемой: *молчун*, *молчальник*, *молчальница*, прилагательное *молчаливый*; кроме того, в эту группу входят близкие по смыслу лексемы с другими основами, образующие концептосферу «молчание»: *безмолвствовать*, *безмолвие*, *отговорить*, устойчивые словосочетания *набрать в рот воды*, *язык проглотить*, *держать язык за зубами* и др. К этой же ЛСГ мы относим и слово *немой* и его производные *немота*, *немотствовать*¹.

Цель статьи – описать семантические классы предметов сравнения, соответствующие указанным персонификаторам, и выявить эволюцию этих классов; проследить эволюцию исследуемой ЛСГ образов сравнения, входящих в концептосферу ‘молчание’, в поэтическом языке XIX–XXI веков, а также проанализировать особенности их реализации в поэтических текстах.

* * *

Концептосфера ‘молчание’ становилась предметом анализа в ряде работ, среди которых основополагающей можно считать статью Н. Д. Арутюновой «Молчание. Контексты употребления». В этой работе отмечено, что «концепт молчания <...> формируется на фоне понятия говорения, вторичен по отношению к нему»

и является его отрицанием [2: 106]. Реализации этого концепта рассматриваются в разных типах контекстов – коммуникативном, психологическом, религиозно-мистическом и эстетическом. Н. Д. Арутюнова различает тишину и молчание:

«Тишина есть природный феномен, транспонируемый в мир человека; молчание есть человеческий феномен, транспонируемый в мир природы. В основе транспозиций лежит метафора» [2: 114].

Исследователи изучают семантические и семиотические характеристики молчания в культурном и коммуникативном аспектах [1], [7], [12], [15], [17], анализируют функции молчания в рамках теории Р. Якобсона о языковых функциях [18], в продолжение исследований Н. Д. Арутюновой выстраивают типологию контекстов употребления слов семантического класса «Молчание» [4], [5], [14]. Специальное направление составляют исследования, посвященные изучению концепта «молчание» в языке поэзии, в том числе в индивидуально-авторском преломлении [3], [6], [10], [16]. В этих работах молчание преимущественно рассматривается с точки зрения пишущего субъекта («экзистенциальное» молчание, по терминологии Т. Л. Рыбальченко), в то время как молчанию, «транспонируемому в мир природы» (исследователи называют его также «космогоническое» или «онтологическое» молчание), уделяется значительно меньше внимания. Это направление реализации концепта «молчание», непосредственно связанное с персонификацией, как раз и составляет предмет нашего исследования.

Объект исследования – соответствующий фрагмент системы метафор и сравнений русского поэтического языка, до сих пор не имеющий целостного описания. Основываясь на материале Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ)², мы предлагаем такое описание. В нем представлены основные семантические классы предметов сравнения, с которыми сочетаются анализируемые персонификаторы. Предметы сравнения и персонификаторы группируются по семантике, времени фиксации в текстах, частоте употребления и словообразовательно-гнездовому принципу.

Предметы сравнения, с которыми сочетаются лексемы ЛСГ «Отсутствие речи», входят в три крупных класса: «Окружающий мир» («Природа» и «Предметы, созданные человеком»), «Время» и «Внутренний мир человека; социально-философский план; жизнь, смерть, судьба человека; языковые явления».

Самый обширный класс предметов сравнения в конструкциях персонификации – это обозначения природных реалий и явлений. Он включает слова с наиболее широким значением – *природа*,

мир, вселенная, которые фиксируются в НКРЯ с самого начала рассматриваемого периода. Среди образов сравнения, которые их характеризуют в начале XIX века, центральное место занимают глагол *молчать* и его производные *молчание* и *молчаливый*, а также однокоренные слова другого словообразовательного гнезда – *безмолвный*, *безмолвно*, *безмолвствовать*:

«*Природа*, алчная к твоим восторгам, страстно При-
никла и *молчит*! – Волшебница! – воззришь, И я весь твой
навек! – Струнами загремишь, И всё тебе подвластно!» (А. Мерзляков 1806), «*Безмолвствуй, мир смятенный*» (В. Жуковский 1808), «Смерть в увядшей душе, все мертв-
во в *безмолвной природе*» (В. Кюхельбекер 1817), «Как
долго целый *мир*, колена преклонив И чудно озарен его
высокой славой, Пред ним *безмолвствовал*, смирен и мол-
чалив» (А. Хомяков 1835).

Среди элементов этого класса широко употребительны обозначения разнообразных составляющих частей описываемой природной картины: *поле, долина, дол, луг, поляна, нива, пустыня, степь, дорога*; к их образной характеристике, помимо указанных персонификаторов, присоединяются *немой, немота, немотствовать*:

«Спокойно всё: *поля молчат*» (А. Пушкин 1824), «Луна встает за дальнею горою, *Молчат холмы, долины и леса*» (Н. Языков 1829), «Что взор склоняет твой в *безмолвные долины?*» (П. Катенин 1810), «Взор мой бродит
всезде по *немой*, по унылой *пустыне*» (В. Кюхельбекер 1817), «Не в людском шуму, пророк, В *немотствую-
щей пустыне* Обретает свет высок!» (Е. Баратынский 1835–1836).

Отдельные семантические группы в классе обозначений природных реалий составляют «Растения», «Водные объекты», «Земля, горы, камни», «Атмосферные явления», «Небо, воздух», «Светила». Компаративные тропы с обозначениями этих семантических групп в качестве предметов сравнения включают указанные персонификаторы со значением молчания также с самого раннего периода русской поэзии. Группа «Растения» включает в начале XIX века названия совокупностей растений: *лес, бор, дубрава, роща, сад*, например:

«В *безмолвные ль дубровы*, Или в дремучий лес, Куда сквозь мрачны кровы Не светит луч небес?» (А. Волков 1799), «Он с бардом песнь поет – и месяц в облаках, И Кромлы шумный *лес безмолвствую* внимает» (К. Батюшков 1802–1803), «*Молчит угрюмый бор*, одетый ночи мглой» (П. Плетнев 1819), «Проснулись *роши молчаливы*» (А. Пушкин 1817–1820), «Блестит луна, не-
движно море спит, *Молчат сады* роскошные Гассана» (А. Пушкин 1825), «Не холнет ветр в тиши ночной; Не дрогнет лист *немой дубравы*» (П. Ершов 1835),

а также отдельные названия деревьев и цветов: *сосна, роза*:

«Древние *сосны* зноем томятся, Ноют – *молчат*» (Г. Каменев 1803), «Пленившись розой, соловей И день

и ночь поет над ней; Но *роза* молча песням внемлет, Невинный сон ее объемлет...» (А. Кольцов 1831).

Обозначения водных объектов: *воды, река* (и названия рек), *волна, струя, пруд, залив, пучина* – в начале XIX века чаще всего сочетаются с персонификаторами *молчать, молчанье, безмолвный, немой*:

«Пускай *молчат* во льдах уснувши *воды*» (В. Жуковский 1812), «*Молчит Дунай*, чернеет лес дремучий» (Н. Языков 1823), «Глухая ночь. *Молчит река*, Луна сокрылась в облака» (К. Рылеев 1825), «Кто в *пруд безмолвный* и дремучий Поток мягкий обратил?» (А. Пушкин 1823), «Прекрасно озеро Чудское <...> *Безмолвна синяя пучина*» (Н. Языков 1825), «*Молчанье волн*, утесы, горы И свод полночных небес Пленяют, восхищают взоры Гармонией своих чудес!» (А. Муравьев 1825–1826), «Когда луны сияет лик двурогой И луч ее во мраке серебрит *Немой залив* и [склон горы] отлогой <...>» (А. Пушкин 1821).

Предметы сравнения класса «Земля, рельеф, горы, камни» чаще всего сочетаются в ранний период со словом *безмолвный*, реже с *немой*:

«Скоро и ты здесь, в *недрах безмолвных* Матери нашей *земли*. Скоро здесь будешь, в тесной могиле, С нами лежать» (Г. Каменев 1803), «Вот и *камни* те *безмолвные*, Мхом седым вокруг поросшие» (Ф. Иванов 1808), «И совершили долг последний и священный, Предав тебя *земле* холодной и *немой*» (А. Полежаев 1837).

Среди обозначений атмосферных явлений в ранний период развития поэтического языка со словами ЛСГ «Отсутствие речи» (*молчать, замолчать, неметь, онеметь*) сочетаются *гром и ветер*:

«Где *гром* еще *молчал, немея*» (А. Радищев 1800–1802), «Увы! – и *громы онемели*, Ревущие тебя вокруг» (Г. Державин. Водопад, 1791–1794), «Речешь – и *громы онемеют*» (Н. Карамзин 1792), «Когда Перун, горящих царь громов, Свинцовы тучи собирает И мрачною стезей по небесам ступает, Сердитый *ветер молчит* и зной поля сжигает, И молния спит в изгибах облаков» (А. Хомяков 1820),

несколько позже – *буря и гроза*:

«С рассветом *буря замолчала*» (И. Никитин 1854–1857), «*Гроза молчит*, с волной бездонной В сияньи спорят небеса» (Н. Некрасов 1855–1856).

Небо (представленное также номинациями *небеса, небосвод, неба свод, неба предел*) характеризуется образными словами *безмолвный, немой*:

«Я озирал сей *неба свод*, Великолепный и *безмолвный*» (Н. Языков 1826), «На недвижный и *безмолвный Неба* божьего *предел* Взор, уверенности полный, Как на родину смотрел» (Н. Некрасов 1839), «Забыл я порывы к *немым небесам*, К воздушным и светлым мечтам...» (А. Пальм 1847),

воздух – словом молчанье:

«В душном *воздуха молчанье*, Как предчувствие грозы, Жарче роз благоуханье, Резче голос стрекозы...» (Ф. Тютчев 1835).

Не часто сочетаются со словами ЛСГ «Отсутствие речи» (*молчаливый, безмолвный*) обозначения светил – *месяц, луна и звезда*:

«И *месяц* молчаливый Туманный свет лиет» (А. Пушкин 1814–1816), «Когда безмолвная наводит *Луну* свой робкий полусвет На лик уснувшая природы» (В. Жуковский 1819), «Что любовь теперь, к несчастью, Не зависит от погоды – Ни от бледного мерцанья *Звезд* небесных, молчаливых <...>» (М. Михайлов 1847), «Над вами *безмолвные звездные круги*, Под вами немые, глухие гроба» (Ф. Тютчев 1850).

В семантическом классе предметов сравнения, включающем созданные человеком предметы, в начале XIX века персонификаторами со значением «Отсутствие речи» характеризуются в основном строения и сооружения и их части, значительно преобладают обозначения *могила, гробница*:

«Почувствуйте в душе унылой, Как над *безмолвною могилой* Во мраке ночи воет ветр» (Г. Каменев 1803), «Чтоб там *безмолвная могила* Возвысилась надо мной И только б с ветром говорила Своей высокою травой» (Н. Гнедич 1806), «Ах, скоро трепетной девице Слезами матери возвестит, Что верный друг ее лежит В сырой земле, в *немой гробнице*» (Д. Веневитинов 1823–1824)³;

см. также *стены, замок, алтари*:

«Гремушку в руки – он блажен Один среди *безмолвных стен!*» (Н. Карамзин 1802), «В старину сей *замок* знатен был. Но теперь он, опустев, стоит И, разрушившись, *безмолвствует*» (В. Жуковский 1805–1810), «На гнев, на новые обиды! Сих стен, сих *алтарей безмолвных?*» (К. Батюшков 1813).

К этому классу примыкают тропы с предметами сравнения – обозначениями населенных пунктов и их частей: *город* (и названия городов), *столица, село, улица, стогны, площадь*:

«Се в грады и *безмолвны села* Их власть небесна пролетела!» (Е. Костров 1780), «В прозрачной мгле *безмолвствует столица*» (Н. Языков 1831), «Умолк на Бельте рев и *онемели стогны*» (Д. Хвостов 1824–1825), «Когда *безмолвная Варшава* поднялась, И бунтом опьянила <...>» (А. Пушкин 1831–1834), «Пустые *улицы безмолвны* были» (Н. Огарев 1842).

Отдельную группу названий «молчащих» предметов в начале XIX века образуют номинации музыкальных инструментов, среди которых преобладает *лира*. Соответствующие тропы образуют метафоры «второго порядка», иносказательно характеризующие поэтическое творчество (лира *молчит* ‘поэт не пишет стихи’):

«Виси, *безмолвствуя*, доколе Мой искренний, любезный друг На Марсовом пребудет поле...» (И. Дмитриев 1791), «*Лира* поэта при корне Древа *безмолвна*» (А. Беницкий 1805), «Она живит мой глас и с *лиры молчаливой* Свевает тихо сладкий сон, – И звук в немых струнах, как ветерок игривый, Весны дыханьем пробужден!» (А. Крылов 1821), «Пока не требует поэта К священ-

ной жертве Аполлон, В заботах суетного света Он малодушно погружен; *Молчит его святая лира*» (А. Пушкин 1827).

Реже встречаются другие обозначения – *арфа, струны*:

«Но дарователь песнопений Меня давно не посещал; Бывалых нет в душе видений, И *голос арфы замолчал*» (В. Жуковский 1823), «И веки уж над ним толпою пролетели – Но *струны* Флакковы еще не *онемели!*» (В. Жуковский 1814).

В следующем широком семантическом классе предметов сравнения, «Время», родовое обозначение *время* в сочетании с рассматриваемыми персонификаторами в ранний период встречается редко, ср. «Юноша с свежей душой выступает на поприще жизни <...> Но, *безмолвные*, ждут *скука и время* его» (В. Кюхельбекер 1820); обозначения единиц измерения времени – *век, год, час* и т. д. – в подобных контекстах не зафиксированы, зато высокой частотой употребления характеризуются сочетания слов *безмолвный, молчаливый, немой* с отдельными обозначениями частей суток – *ночь, полночь*:

«Угрюмый страх наводит *Безмолвной нощи мрак*» (А. Беницкий 1805), «И в час *безмолвной ночи*, Когда ленивый мак Покроет томны очи» (А. Пушкин 1814–1815), «О, сладостна мечта, дщерь *ночи молчаливой*, Сойди ко мне с небес в туманных облаках» (К. Батюшков 1802–1803), «Над кущей рыбаря, в час *полночи немой*, Раздастся ветров свист и вой» (К. Батюшков 1817), «Что значат длинные ряды Высоких камней и курганов, В часы *полуночи немой* Стоящих мрачно предо мной В сырой обители туманов?» (А. Полежаев 1832).

Помимо сочетания *безмолвная ночь*, в этот период широко распространены сочетания *безмолвие ночей, безмолвие ночное*:

«Что может нас вовлечь приятней в восхищенье, Как сладких перемен природы ощущенье, *Безмолвие ночей*, полудня тяжкий зной И пременяющиеся погоды с тишиной!» (М. Муравьев 1779), «Медлительно в *безмолвии ночей* С холма на холм порхает стая вранов» (Н. Языков 1825), «Стада шумят, и соловей Уж пел в *безмолвии ночей*» (А. Пушкин 1827–1828), «В реке бежит гремучий вал; В горах *безмолвие ночное*» (А. Пушкин 1820–1821).

Несколько позже фиксируется контекст со словом *вечер*, в котором персонификатором рассматриваемого семантического класса служит наречие *молча*: «Прохладный *вечер* молча расточает Поэзию без звуков, без речей» (П. Вяземский 1865).

Предметы сравнения с абстрактным значением, обозначающие сущности внутреннего, духовного мира человека, социально-философского плана, науки и культуры, экзистенциальные категории, языковые явления, также в ранний

период развития русского поэтического языка определяются персонификаторами со значением «Отсутствие речи». Чаще всего этими образными обозначениями (молчать, замолчать, молчание, безмолвствовать, безмолвный, немой, онеметь) характеризуются *дух, душа и сердце*:

«В унынии любви несчастной, *Безмолвствуя, мой* пропшет *дух*» (В. Красовский 1804), «Навек той *сердце* охладело, Кем было все оживлено; *Мое* без смерти *онемело*, Но чувства мук не лишено» (И. Козлов 1828), «И много я видел прелестных цветов, Но *сердце* упорно *молчало*» (П. Ершов 1835), «И он прочел в *немой душе* твоей Всё тайное своим печальным взором» (А. Пушкин 1824),

чувств – любовь, страсть, счастье, ненависть, тоска, скука, грусть, зависть:

«*Любовь и счастье* в романах говорливы, Но в истине своей и в сердце *молчаливы*» (Н. Карамзин 1802), «Перед улыбкою небесной Земная *ненависть* *молчит*» (А. Пушкин 1824), «Тогда *молчит* *тоска* в моей груди» (И. Никитин 1850),

интеллект – мысль, мечта, воображение:

«Кто разбудил воспоминанье И *замолчавшие мечты?*» (В. Жуковский 1818), «Мое *молчит* *воображенье*» (К. Бахтири 1835–1839), «И *мысль* моя насильтственно *молчит*» (Н. Щербина 1848), «Брожу задумчиво, и с сумраком полей Сольются сумерки *немой мечты* моей» (П. Вяземский 1848),

судьба и смерть:

«Вдали *безмолвная судьба*» (С. Бобров 1802–1803), «Беспечному предав его веселью, *Судьба* *молчит* над тихой колыбелью» (В. Жуковский 1819), «Я видел *смерть*; она в *молчанье* села У мирного порогу моего» (А. Пушкин 1816),

реже – разные другие отвлеченные понятия, в том числе *вечность, искусство, свобода, закон*:

«На лоне *вечности* *безмолвной*» (В. Жуковский 1806), «О грозная *вечность*, *Безмолвная вечность!*» (И. Никитин 1849–1853), «Завеса *вечности* *немой* Упала с шумом предо мной...» (А. Полежаев 1828), «И обес-силенно *безмолвствует* *искусство* <...>» (В. Жуковский 1819), «*Закон* *безмолвствовал*, дух доблести упал» (И. Дмитриев 1818), «Новорожденная *свобода*, Вдруг *онемев*, лишилась сил» (А. Пушкин 1821).

Среди элементов семантического класса «Языковые явления» в начале XIX века сочетаются с номинациями со значением молчания слова *стих, рифма*, характеризующие поэтическое творчество:

«*Рифма*, звучная подруга Вдохновенного досуга, Вдохновенного труда, [Ты умолкла, *онемела*]; [Ах], ужель ты улетела, Изменила навсегда!» (А. Пушкин 1828), «Опять *молчит* печально *стих* ленивый! Поэта ль дар уже во мне исчез, Или любовь моя охолодела?» (Н. Огарев 1843),

а также обозначения других литературных произведений, устного народного творчества: *летописи*, *предание* и т. п.: «Пусть не было б Петру

вияний, Пусть *летописи* умолчат!» (С. Бобров 1801), «*Предание* смолчало; Стрелец ли, Дева ли, иное ль было что?» (А. Бунина 1811).

Что касается набора персонификаторов со значением «Отсутствие речи», то, как показывает исследованный корпусный материал, кроме перечисленных выше достаточно частых в поэтических текстах начала XIX века элементов рассматриваемой ЛСГ, в этот период фиксируются и слова с меньшей частотой употребления – дериваты слова *молчать*: *замолчать, смолчать, умолчать, промолчать, приумолкнуть*, которые добавляют к образному смыслу молчания новые семантические компоненты. См., например:

«Кинжал не выдал, *ночь* смолчала, Где втайне гроб тройной зарыт» (Д. Ознобишин 1833), «Под сенью сосен заступ светится В руках монаха – *лунный луч* То серебрится вдоль по заступу, То, чуть блистая, *промолчит*» (А. Одоевский 1829–1830), «Замолчал *поток* сердитый» (М. Лермонтов 1839), «Рдяное солнце в облаке мрачном Скоро сокрылось от глаз; *Всё* *приумолкло*, всё приуныло, Дремлют леса» (Г. Каменев 1803).

В дальнейшем в истории русского поэтического языка расширяются, пополняясь новыми элементами, семантические классы как предметов сравнения, так и образов сравнения персонифицирующих тропов с рассматриваемой семантикой. Так, если говорить о предметах сравнения, то в классе «Растения» ряд обозначений их совокупностей (*лес, бор, роща, сад* – эти предметы сравнения проходят через весь исследуемый период, активно употребляясь в метафорах) пополняется словами *аллея, дебри*:

«*Аллеи* спят, *безмолвны* и *темны...*» (М. Лохвицкая 1890), «Как будто вглубь ведет / *безмолвная аллея*, / касаясь тишины / старинной и густой» (В. Казаков 1977–1978), «В *немых аллеях* только ветра всхлип» (С. Маковский 1905–1962), «Гулко в *дебрях* *молчаливых*, В бесконечных дебрях бора, Прозвучали вопли эти» (И. Бунин 1903).

Кроме того, образы конкретизируются, появляется множество видовых обозначений рас-тений, особенно деревьев: *ель, кипарис, ольха, вяз, ива, береза, пальма*, см., например:

«Деревья весело шумели, Когда вернулась к ним весна; И только *ель* одна меж ними Была *безмолвна* и мрачна» (А. Плещеев 1871), «Стоит в лесу угрюмая, / *безмолвная ольха*» (Л. Семенов 1903), «Море дикое, играй! Лейся звонко, ключ нагорный! *Кипарис, безмолвствуй, черный!*» (В. Иванов 1916), «Печальны одичавшие оливы, А *пальмы*, как паломники, *безмолвны*» (С. Липкин 1968).

Появляются обозначения частей деревьев: *лист, ветка*: «Запахи, гудящие над головой Того, кто, только что пройдя, Поломал *безмолвную ветку*» (Г. Оболдуев 1930), названия других рас-тений: *осока, трава, полынь, камыши, кактус*:

«**Камыши** молчали, Как молчали они вначале» (П. Васильев 1929–1932), «Подражая **осоке** безмолвной и горькой, мы правы – Кто нас может заметить На солнце всемирной души?» (Б. Поплавский 1931), «У нас – только **кактусы** Стоят, **безмолвны** и **холодны**» (Б. Слуцкий 1959–1961), «И танец колдовства, и ветра переплески рисует на лугах **безмолвная трава**» (И. Жданов 1978–1991).

В классе предметов сравнения «Атмосферные явления» появляется группа обозначений со значением «Снег, лед»: *снег, снега, снежинки, лед, глетчер*, с конца XIX века становящаяся в поэтических текстах самой частотной в тропах с образами сравнения ЛСГ «Отсутствие речи»:

«Мне мила красота, как мечта непорочно-бесстрастная, Этих чистых *снежинок немых*» (А. Федоров 1896), «Строго и молча, без слов, без угроз, Падает медленно *снег*» (В. Брюсов 1913), «И **безмолвны** горные *снега*» (И. Коневской 1897), «*Поля снежевые* **безмолвны**» (М. Лохвицкая 1896–1898), «И померкдалекий *глетчер*, Вечно гордый и **безмолвный**» (В. Брюсов 1896), «Дай бог ускользнуть по **безмолвному льду**, / два слова связать и добавить одно / единственное, замерев на ходу, чтоб боль отпустила» (Б. Кенжеев 1980–1988),

появляются также слова *туча, туман, дождик*:

«Тогда страшит меня *молчанье* Свинцовых *туч*, и ветра вой» (И. Суриков 1875), «На небе скучилась *громада черных туч*. *Молчит* и копится их сила грозовая» (А. Кондратьев 1911–1920), «К *немотствующему туману* Вотще я слухом стану льнуть» (Б. Лившиц 1919), «*Дождик* замолчал, и капельки высохли» (В. Державин 1932).

Элементы класса «Светила» *месяц, луна и звезда*, входившие в тропы в ранний период, активно употребляются и в следующие периоды:

«Но *месяц* печальный **безмолвно** поник. Не знает. Склоняет все ниже свой лик» (К. Бальмонт 1895), «У моря, у тихого моря Одни мы бродили с тобой, Любаясь счастливою ночью, Любаясь **безмолвной луной**» (Д. Шестаков 1895), «Пустынная в **безмолвии** *луны*... В голубоватом трепете аллея...» (Б. Божнев 1939), «Над Лондоном – восточная *луна*. Раскосая, *немая* и *глухая*» (В. Лебедев 1926–1928), «И, как сиделка у кровати, / от недосыпа чуть бледна, / в своем синеющем халате / *молчала* *зябкая луна*» (Г. Семенов 1937–1941), «*Звезды* **немые** далеки, Ночь завернулась в туман» (В. Брюсов 1893), «И будто от ключа забвенья пили *Немые звезды* в вышине» (Г. Adamович 1922), «Вечерняя *Звезда*, **безмолвствуя**, ждала» (А. Блок 1901), «Но вспомни: струны пели, Роняли небеса **безмолвную звезду...**» (В. Набоков 1916), «Льется, льется **безмолвных звезд** молодое молоко» (Б. Кенжеев 1990–2000).

Кроме этих обозначений, в XX веке в классе «Светила» появляется *солнце*:

«*Веласкес, Веласкес*, единственный гений, Сумевший таинственным сделать простое, Как властно над сонмом твоих сновидений *Безмолвствует Солнце*, всегда молодое!» (К. Бальмонт 1901), «Прежде за снежной пургою, Там, где красное *солнце* *молчит* Мне казалось, что жизнью другого Я смогу незаметно прожить» (Б. Поплавский 1932).

Значительно расширяется класс созданных человеком предметов. Сохраняя в сочетаниях с элементами ЛСГ «Отсутствие речи» обозначения, ассоциирующиеся со смертью (например, «*Молчат гробницы, мумии и кости*, – Лишь слову жизнь дана» (И. Бунин 1915), «*Молчат могилы, саркофаги, склепы*» (А. Межиров 1983)), как и обозначения различных строений и их частей:

«Железные затворы Молчат, **безмолвен храм**, ответа не дает...» (С. Фруг 1885), «*Безмолвна* родная *избушка*, Шумит непогода вокруг» (Н. Зарудин 1924), «Помню шкат в кабинете, пожелтевшего Данте, *Молчаливые стены*, обитые кожей...» (М. Вега 1930), «*Молчат дома*, как терема. Вчера приехала зима» (С. Петров 1955),

он пополняется, в частности, названиями различных механизмов, аппаратов и машин:

«Стоят, **безмолвствуя**, старинные *часы...*» (К. Фофанов 1888), «И беспокойный *телефон* **Безмолвствует** в ночи» (Д. Кедрин 1928), «И кричит душа моя от боли, И *молчит* мой черный *телефон*» (Н. Заболоцкий 1957), «*Безмолвные* стояли *паровозы* И, темный пыл в себе тая, Застывшим ужасом **железным** В пустые плялились поля» (Г. Санников 1922), «Замолчала робкая *машина*. Тракториста с головы до ног Кто-то облил теплым керосином...» (И. Молчанов 1929), «И на *приумолкшие станки*, / не забытые за дни разлуки, / тихо положили старики / мудрые и любящие руки» (О. Берггольц 1941), оружия: «Что ж *молчали* зеландские *пушки*?» (О. Мандельштам 1921–1929).

Метафорами *молчать, безмолвствовать* и т. п. характеризуются книги, газеты:

«*Молчите*, проклятые *книги*! Я вас не писал никогда!» (А. Блок 1908), «Сжимает сонная рука *Молчащую* святую *книгу*» (А. Герцык 1921), «*Безмолвствует* черный *обхват переплета*, Страницы тесней обнялись в корешке, И книга недвижна. Но книге охота Прильнуть к человеческой теплой руке» (М. Светлов 1925), «*Молчите*, проклятые *газеты*!» (И. Юрков 1927).

Если в XIX веке с поэтическим творчеством связаны обозначения музыкальных инструментов (*лира, арфа*), то в XX веке – это орудия письма и бумаги: *перо, карандаши, бумага, страницы*:

«*Безмолвие страницы* разграфленной Как бы неволит что-то написать. Но от моей ли немоты бессонной Ты слова ждешь, раскрытая тетрадь!» (М. Петровых 1956), «Но все-таки, какое это благо – Когда последний сломан карандаш, Когда *молчит перо, безмолвствует бумага*, И только слышен вещий шепот ваш» (Д. Самойлов 1963), «Не то чтобы мой *карандаши* онемел, Но он не затем заточился, – Я писем писать никогда не умел, А нынче совсем разучился» (Л. Мартынов 1968).

Молчание здесь носит метатекстовый характер и связано через орудия письма с возможностью / невозможностью творить.

В семантическом классе «Время» родовое слово становится более употребительным, сочетает-

ся с более широким кругом персонификаторов, в том числе *молчать*:

«Молчало *время*. Ночь не проходила» (К. Бальмонт 1903), «Пусть *время* обо мне молчит» (И. Бродский 1961), *немой*: «Несем для вас мы верные Скрижали вдохновенные – Хранить вас в многотрудные *Немые времена*» (К. Фофанов 1911), «Я, окруженный / на острове звуков / морем немых *времен*, / слушаю говор выросших внуков, / лепят их юных жен» (Н. Асеев 1941–1946), *онеметь*: «*Онемело время*… В мире вновь легла Поздняя ночная тишина и полумгла…» (Ю. Балтрушайтис 1911), «Здесь думы о бывалом И *время онемело*» (В. Хлебников 1920–1921), *безмолвствовать*: «О *время, время*, поверни порядок, / связующее раздели звено, / о *время!*.. Но *безмолвствует* оно, / в убежище колдунчиков и пряток / нам никому вернуться не дано» (Н. Горбаневская 1974).

Появляются предметы сравнения – обозначения единиц измерения времени: *век, час, год*:

«Когда и как и кто расскажет, О чем *безмолвствуют века?*» (С. Городецкий 1912), «Нам созвездья сияют светила и луны… Каждый *час* упоенем своим *молчалив*» (Д. Бурлюк 1916), «Над *немотой* Запепеленных *лет* Заговорив Сожженными глазами <...>» (А. Белый 1931).

В группе обозначений частей суток увеличивается частота употребления слова *вечер*, расширяется диапазон характеризующих его персонификаторов:

«В этот *вечер*, горячий, *немой* и томительный, Не кричит коростель на туманных полях» (Д. Мережковский 1887), «Показалось, будто в рощице *Вечер* синий приумолк» (А. Макаров 1921).

Эта группа пополняется обозначениями других частей суток – *утро, день*:

«*Осенний день* хранил печальное *молчанье*» (Ф. Сологуб 1895), «Но всходит *день*, равнодушный, *немой* и безликий, Ползет отвратительный, скаредный будень, Все тот же, тот…» (А. Лозина-Лозинский 1912), «*Утро* молчит и дождь не дождется» (Г. Гор 1942).

Среди обозначений эзистенциальных категорий, включавших в начале XIX века слова *судьба* и *смерть*, в конце XIX – начале XX века в сочетании с персонификаторами со значением молчания начинает употребляться *жизнь*:

«Я жажду подвигов и дела, – А *жизнь* – их *жизнь* – вокруг меня И замерла и *онемела*» (С. Надсон 1883), «О, следуй же за мной в полночные мгновенья Туда, где *жизнь* молчит, где сказка наяву» (Т. Щепкина-Куперник 1913).

Эта тенденция проходит через весь XX век –ср. «Так *жизнь* свое отговорила И замолчала на века» (С. Гандлевский 1977).

Расширяется ряд обозначений отвлеченных понятий, в тропах начинают употребляться слова *наука, культура, истина, красота, слава* и др.:

«Вера спит. *Молчит наука*. И царит над нами скука, Мать порока и греха» (М. Лохвицкая 1896–1898), «Почему же молчит *культура*, И ваши университеты, И храмы

ваши, – Когда нас расстреливают?» (П. Орешин 1916), «К вечности, / к немотствующей *истине* / Близкий нам / Сорок Четвертый Год» (А. Несмелов 1945), «Над нами время промолчит, / пройдет не говоря, / и чьи-то *слава* закричит / немая, не моя» (И. Бродский 1961), «Безмолвствует такая *красота*, Она не для обычного сознанья» (Ю. Кузнецов 1991).

Элементы семантического класса предметов сравнения «Языковые явления», употреблявшиеся в тропах с начала XIX века – *стих, рифма*, продолжают встречаться в текстах и в более поздних контекстах: «Уж испуганный *стих* не молчит в забытьи, И слезами растаяла льдина» (М. Цветаева 1906–1912). Этот класс пополняется в XX века элементами *слово, строка, строфа, буква, словарь*:

«*Слова*, что молчаливее молчания» (Д. Кнут 1938), «Я бы забыл немоту На бумаге написанных *слов*» (А. Тарковский 1945), «Неужто / *слова* о том, что знают, умолчат?» (Б. Ахмадулина 1999), «У меня есть врачи – это серые / молчаливые *строки* и *строфы*, / это слов трафаретные серии, / пира выдумок / жалкие крохи» (С. Кирсанов 1950–1959), «Без союзов *словарь* *онемеет*, И я знаю: сойдет с колеи» (С. Липкин 1967), «Ты знаешь, но молчишь, – заговори, *словарь*. / Я сам себе никто, а ты всему главарь» (Е. Рейн 1990).

В ходе эволюции поэтического языка расширяются не только группы предметов сравнения тропов рассматриваемого семантического класса, но и группы образов сравнения – слов со значением «Отсутствие речи». Появляются суффиксальные образования, мотивированные лексемой *молчать*. Некоторые из них распространяются на широкий круг предметов сравнения, например *молчальник, молчальница – долг*:

«Вот Слава шумная, вот *Долг* – молчальник строгий» (Н. Минский 1887–1895), *лес*: «молчальник-лес под лиственною схимой» (В. Иванов 1907), *вечер*: «Как молчальник, синий *вечер* бродит И все реже шум колес» (А. Лозина-Лозинский 1916), *душа*: «Ночь златокрылая! <...> Как бы взаимный лад и некий говор женский *Молчальницы-души* с Молчальницей вселенской» (В. Иванов 1918–1920), *полынь*: «*Полынь, полынь...* <...> Шуршание твое Прошепчет смутно нам, Молчальница просторов неизжитых» (Е. Забелин 1926), *ночь*: «О *Ночь-молчальница*, у нашего порога Святую тайну стереги!» (В. Иванов 1926), *тайга*: «*Тайга* молчальница от века И рада быть глухонемой» (В. Шаламов 1937–1956), *море*: «Я море прошу, но *море* – молчальник» (Г. Гор 1942), *карпы*: «Голуби скоро начнут, как вороны, каркать, Будут кусаться и выть молчальники *карпы*» (И. Эренбург 1957), *сосны, елки*: «А после подслушать у леса, У *сосен*, молчальниц на вид, Пока дымовая завеса Тумана повсюду стоит» (А. Ахматова 1959), «И *елки*, неподвижны и сурьвы, Роняя низко рукава ветвей, Ждут, пригорюнясь, – матери и вдовы, Молчальницы в платочках до бровей» (В. Рождественский 1960), *стихи*: «*Стихи* мои, птенцы, наследники, Душеприказчики, истцы, Молчальники и собеседники, Смиренники и гордецы!» (А. Тарковский 1960)

(во многих контекстах реализуется религиозное значение этих лексем).

Другие дериваты характеризуют ограниченный круг предметов сравнения, некоторые из них стилистически отмечены, например слово *молчанка*, которое реализует как фразеологически связанное значение (*играть в молчанку*):

«Позабыли Татарск и Ачинск, Городишки одной межи, Как от взятия и до сдачи Проползала сквозь сутки жизнь. Их *домишикам* – *играть в молчанку*. Не расскажут уже они, Как скакал генерала Молчанова Мимо них адъютант Леонид» (А. Несмелов 1931), «Да и *время* играет в молчанку Или шепчет: «Отстань!»» (П. Антокольский 1970),

так и свободное значение (в словаре с пометой «Прост.»⁴):

«Уложено прошлое в пять осторожных мазков – / наскучила нам некрещеного *неба* молчанка...» (С. Кекова 1983),

молчок (с пометой «Обл.»):

«и ветра свист, и *скал* молчки» (С. Петров 1935–1942), «Прочла свой черновик и ужаснулась. Болтлив и вял нестройных *букв* молчок» (Б. Ахмадулина 2000) и др.

В текстах конца XX века появляются ранее не отмеченные префиксальные дериваты глагола *молчать*: *помалкивать*, *отмолчаться*:

«Вторая же [ворона] – взвилась под небеса / и каркнула во все воронье горло, / приказывая издали и впредь / *фарфоровому шарику* (над нами) / *помалкивать* и взапуски белеть / с забредшими в болото валунами» (И. Бродский 1964), «*Помалкивала сталь* [трамвайные рельсы], и надо было ждать На утреннем кольце» (Е. Рейн 1990), «И спросил я у кукушки, Сколько лет мне жить осталось. И сначала показалось, Что *кукушка отмолчалась*. Но потом закуковала В утешенье простаку Добродушная кукушка Бесконечное ку-ку» (Л. Мартынов 1969).

В XX веке в тропах используются и стилистически отмеченные синонимы глагола *замолчать* – *заткнуться* (Груб. прост.) и *нишкнуть* (Обл.):

«Заткнитесь, болтливые *пушки*! / Баста!» (В. Маяковский 1919–1920), «Заткнулись *звонки*, улеглись разговоры» (Е. Рейн 1955–1982), «Заткнись, *цензура*! Не касайся суты!» (Д. Самойлов 1986), «*Телефон, нишкни, замолкни!* Говорить – охоты нет» (А. Галич 1972).

Кроме того, в тропах появляются фразеологически связанные сочетания *набрать в рот воды, проглотить язык*:

«Тиха, / что воды набрала в рот, / *часовня* святого Пантелеимона» (В. Маяковский 1921), «Толпится небо за стогами, / и, словно младшая сестра, / плутает *речка* меж лугами, / и быстроводна и шустра. / Плутует слева, дразнит справа, / шныряет, в рот воды набрав, / и в сомлевающие травы / ныряет, в прятки заиграв» (С. Петров 1959), «Но *моря* молчат, / набравши в рот воды» (В. Соснора 1960–1962), «Нет не *строка*, не умершее *слово* / *язык проглотят*» (А. Хвостенко 1965–1975), «Море – свалка всех словарей, только *твердь* язык проглотила» (А. Парщиков 1984).

Обращают на себя внимание и нестандартные конструкции с оксюморонной семантикой, в ко-

торых сочетаются взаимоисключающие смыслы ‘речь’ и ‘отсутствие речи’:

«А сердцем – *сердце* лишь молчит, Его молчание яснее говорит» (В. Жуковский 1800–1805), «Там светлый дом! на мраморных столбах Поставлен свод; чертог горит в лучах; И *ликов ряд* недвижимых стоят; И, мнится, *их молчанье говорит...*» (В. Жуковский 1817), «Впиваю это бледное сиянье, Как эльф, качаюсь в сетке из лучей, Я слушаю, как говорит молчанье» (К. Бальмонт 1894), «Ты, разгадавшая *немой язык очей* Досель таившегося друга!» (С. Нечаев 1824), «Как много звезд – в их полуутьме Безумных проблесков – в уме, Как родствен с этой полуутьмой Язык *любви*, язык *немой!*» (К. Льдов 1902), «Чтобы некогда нашим потомкам рассказали *немым языком* Мусор вечности, камни живые, об отхлынувшем vale морском» (Амары 1920), «Проникни силою своей В язык *безмолвия ночного!*» (К. Бальмонт 1899), «*Безмолвные речи ручья*» (Г. Оболдуев 1930), «Навстречу первых звезд печально замигали Чуть видные огни далекого села. И мнится, те *огни со звездами ночными* Задумчиво ведут *безмолвный разговор*» (К. Фофанов 1888), «“Есть божий суд...” – *безмолвствуя, кричали / глаза* скидавших шапки крепостных» (Е. Евтушенко 1964).

Еще одно проявление отношения речи и молчания – это контексты, в которых выражен смысл «молчание – предвестник слова»:

«Тогда Из глубины молчания родится / *Слово*, В себе несущее Всю полноту сознанья, воли, чувства, Все трепеты и все сиянья жизни» (М. Волошин 1917), «Молчанье – это будущее *слов*, / уже пожравших гласными всю вещность, страшашуюся собственных углов» (И. Бродский 1969).

Еще одна особенность поэтического языка, кроме конструкций, сочетающих взаимоисключающие смыслы ‘речь’ и ‘отсутствие речи’, – это наличие нестандартных синтаксических конструкций, в которых наблюдаются валентности, отсутствующие в общеязыковом употреблении. Это такие конструкции, как *молчать (безмолвствовать) о чем*:

«Когда и как и кто расскажет, *О чем* безмолвствуют века?» (С. Городецкий 1912), «Пусть время *обо мне* молчит» (И. Бродский 1961), *молчать кому что*: «Береза что ему сказала Свою чистою корой, И пропасть что *ему* молчала Пред очарованной горой?» (В. Хлебников 1920–1921), *молчать кому куда*: «И вот я в дверь стучу кулак: / Открой меня туды! / А дверь дубовая молчит / *хозяину в живот*» (Д. Хармс 1927), *молчать чем*: «*молчит* физическое небо / *всей миллиардной массой звезд*» (Н. Байтов 2000), *молчать на каком языке*: «*По-русски* старый парк *молчит*» (С. Черный 1924).

Что касается синтаксических особенностей персонифицирующих метафор со значением «отсутствие речи», то обращают на себя внимание конструкции, в которых сочетаются два или несколько предметов сравнения, например:

«Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит На *хляби* и *брега безмолвны*» (К. Батюшков 1814), «И вопросительно, и кротко – *Молчанье неба и земли*» (Д. Мережков-

ский 1890), «И призрачны, безмолвствуя вдали, *Дневная явь и пестрый круг земли...*» (Ю. Балтрушайтис 1912).

Подобные конструкции расширяют сферу «онтологического» молчания.

Расширение сферы молчания усиливается в конструкциях с повторами:

«Молчат спокойные *могилы*, Молчат заснувшие *кусты*» (А. Разоренов 1889), «Молчат *бульвары* и *сады*, Молчат унылые *дрозды*, Молчит *Марго*, бела, как мел, Молчит *Гюго*, он онемел» (И. Эренбург 1942).

В поэзии XX века повторы могут пронизывать весь текст стихотворения, организуя его как целое:

Молчит Творец. Молчит небесный хор.
Молчит судьба. *Молчит* земной простор.
Молчит береза под моим окном.
Молчит мой дом, объятый зимним сном.
Молчит моя огромная страна.
Молчит над ней бездомная луна,
А за луной, суровая, как смерть,
Всегда *молчит* насупленная твердь.
И ты, и ты, о, грусть моя, и ты,
Молчишь и ты во власти немоты,
И ты *молчишь* в покинутом, ночном
Пустынном сердце скованном моем!..

(Н. Белоцветов 1937–1950),

Душа моя *безмолвствует* внутри,
безмолвствует смятение в умах,
душа моя *безмолвствует* в потьмах,
безмолвствует за окнами январь,
безмолвствует на стенке календарь,
безмолвствует во мраке снегопад,
неслыханно *безмолвствует* распад,
в затылке нарастает перезвон,
безмолвствует окно и телефон,
безмолвствует душа моя, и рот
немотствует, *безмолвствует* народ,
неслыханно *безмолвствует* зима,
от жизни и от смерти без ума

(И. Бродский 1962).

Усилинию смысла олицетворения способствуют сочетания рассматриваемых образных обозначений с другими персонификаторами, например:

«*Ночь* темна, молчит, смотрит букою?!!» (К. Случевский 1874), «Так вечно плачущее *море* В безмолвный берег влюблено» (Н. Минский 1883–1887), «*Ночь*, пьяна и молчалива, Постучалась под окном» (Б. Корнилов 1927).

Среди сочетаний персонификаторов особо отметим конструкции, в которые входят обо-

значения лиц. Такие конструкции фиксируются в поэтическом языке с самого раннего периода. В первой половине XIX века в них входят такие обозначения лиц, как *друг*, *свидетель*, например:

«Стени ж опять, стени со мною, О *роща*, мой безмолвный *друг!*» (П. Шаликов 1797), «И *месяц* огненный, безмолвный ночи *друг*, Встает над ближнею горою» (И. Никитин 1855), «И *месяц* был один *свидетель молчаливый* Последних и невинных радостей моих!..» (М. Лермонтов 1829).

В более поздние периоды обозначения лиц в таких конструкциях становятся все более разнообразны, например:

«Вышел *месяц* – немой паладин На раздолья надземных пустынь» (А. Тиняков 1907), «И как над горящую Францией / глухое лицо Марата, – / среди лихорадящих в трансе / *луна* – онемевший оратор» (Н. Асеев 1917), «А *вечер* – немой золотарь – Вонзает рубиновые стрелы В звенящую черную гарь...» (Я. Бердников 1921), «*Душа* живет безмолвствующей *жрицей*, Надгробный звон растет, звучит crescendo» (Г. Голохвастов 1958).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели множество персонифицирующих тропов с образами сравнения ЛСГ «Отсутствие речи». Был определен состав этой группы, проведено корпусное исследование ее элементов. Выделены семантические классы предметов сравнения, характеризуемых рассматриваемыми персонификаторами – «Окружающий мир» («Природа» и «Предметы, созданные человеком»), «Время» и «Внутренний мир человека; социально-философский план; жизнь, смерть, судьба человека; языковые явления». Прослежена эволюция классов предметов сравнения на протяжении более двух веков развития русского поэтического языка – показано пополнение этих классов новыми элементами. Проанализирована и эволюция образов сравнения ЛСГ «Отсутствие речи» – выявлено ее расширение за счет отношений словообразовательной деривации, синонимии. Показана роль стилистически отмеченных слов и фразеологически связанных сочетаний в обновлении традиционного семантического инварианта рассматриваемого класса компаративных тропов. Результаты нашего исследования представляют фрагмент метафорической системы русского поэтического языка XIX–XXI веков в ее развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При формировании состава указанной ЛСГ мы опирались на классификацию, приведенную в «Русском семантическом словаре» [13].

² НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 01.07.2022).

³ Ср. о связи тишины (молчания) и смерти [8: 80].

⁴ Пометы даются в соответствии с [МАС]: Словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А мз а рак о в а И. П. Молчание как семиотический знак в культуре и коммуникации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 23–27.
2. А ру тю н о в а Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 106–117.
3. Б а б е н к о Н. Г. Семантический комплекс «молчание / немота / тишина» в языке русской поэзии второй половины XX века // Балтийский филологический курьер. 2003. Вып. 2. С. 69–89.
4. И о а н е с я н Е. Р. Семантика молчания и тишины // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2020. Т. 12, № 1. С. 164–186.
5. К о в ш о в а М. Л. О культурных смыслах и семантике «слов молчания»: опыт исследования // Под знаком «мета»: Материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры» в Институте языкоизнания РАН 14–16 марта 2011 г. / Под ред. Ю. С. Степанова и др. М.; Калуга, 2011. С. 342–352.
6. М а с л о в а В. А. Философия и поэтика молчания сквозь призму русской поэзии XX века // Культура народов Причерноморья. 2004. Т. 2, № 49. С. 130–133.
7. М у х а м е т о в Д. Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 5 (3). С. 77–82.
8. П е т р о в а З. Ю., С е в е р с к а я О. И. Говорящий мир в русской поэзии XVIII–XX вв. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 78–90.
9. П е т р о в а З. Ю., С е в е р с к а я О. И. Говорящий мир человека в русской поэзии XVIII–XX вв. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 93–102.
10. Ры б а л ч е н к о Т. Л. Семантика молчания в лирике И. Бродского // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 85–100.
11. С е в е р с к а я О. И. От молчания к шепоту и говорению: о поэтических *langue*, *langage* и *parole* // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 11–16.
12. Ш а б а н о в а Я. В. Речевой акт «Молчание» в структуре вербальной и невербальной коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 7. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 183–192.
13. Ш в е д о в а Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н. Ю. Шведовой. (Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова). Т. 4. М.: ИРЯ РАН, 2007. 952 с.
14. Э п ш тей н М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. № 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/10/slovo-i-molchanie-v-russkoj-kulture.html> (дата обращения 01.07.2022).
15. E ph r a t t M. Verbal silence as figure: Its contribution to linguistic theory // Poznań Studies in Contemporary Linguistics. 2016. Vol. 52 (1). P. 43–76.
16. Lo Yimon “A Tale of Silent Suffering”: Wordsworth’s poetics of silence and its function of reintegration // Journal of the English Association. 2020. Vol. 69, Issue 264. P. 25–41.
17. Semantics of silences in linguistics and literature (Anglistische Forschungen Bd. 244) / Ed. Gudrun Grabher, Ulrike Jessner. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1996. 370 p.
18. Sh cher b a k N. F., Potienko V. I. Linguistic and psycholinguistic aspects of silence: A structural model of communication // DISCOURSE. 2021. Vol. 7, No 3. P. 20–35.

Поступила в редакцию 06.08.2022; принята к публикации 05.09.2022

Original article

Zoya Yu. Petrova, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5390-8029; zoyap@mail.ru

Olga I. Severskaya, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6277-9756; oseverskaya@mail.ru

Natalia A. Fateeva, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0916-1161; nafata@rambler.ru

LEXICO-SEMANTIC GROUP “ABSENCE OF SPEECH” IN RUSSIAN POETRY: CONSTRUCTIONS OF PERSONIFICATION

Abstract. The article addresses the issue of describing the system of metaphors and similes and its evolution in Russian literature, with particular focus on one of its constituent parts – a set of comparative tropes of the Russian poetic language of the XIX–XXI centuries, which contains the images of comparison from a lexico-semantic group with the meaning of negation of speaking, which, in turn, is included into the semantic field “Language, speech”. The relevance of the work is determined by the need for a detailed description of the system of metaphors and similes using

a large array of material in the language of fiction, taking into account corpus data. This study is aimed at giving a comprehensive and multifaceted description of the fragment of the system of metaphors and similes of Russian literature, and studying its evolution over two and a half centuries. The research objectives were to describe a set of comparison images belonging to the lexico-semantic group “Absence of speech”, to identify the semantic classes of the comparison objects – those entities that are figuratively characterized by the words from the studied group, to describe the evolution of these classes and the evolution of the analyzed lexico-semantic group containing the comparison images in the Russian poetic language of the XIX–XXI centuries, to analyze the specific features of using the comparison images from the said lexico-semantic group in poetic texts. The set objectives meet the criteria of research novelty: it is the first-of-its-kind study that offers a systematic multifaceted description of metaphors and similes, whose comparison images belong to a certain lexico-semantic group, based on extensive corpus data, with the analysis of the evolution of the corresponding fragment of the system of comparative tropes. The corpus method, the semantic field method, and the structural functional method were used for the language material analysis. The authors identified the composition of the lexico-semantic group “Absence of speech” and conducted the corpus analysis of its elements serving as personifiers in poetic texts. The authors also singled out the following semantic classes of the comparison objects characterized by the studied personifiers: “The outside world” (“Nature” and «Man-made objects”), “Time” and “Man’s inner world; socio-philosophical dimension; life, death, fate; linguistic phenomena”. The early segment of the studied fragment of the metaphorical system was determined, which includes the traditional images and comparison objects for the corresponding comparative tropes. The conclusion was made about the evolution of this fragment over two and a half centuries of the Russian poetic language development, namely that the classification of the objects and images of comparison was eventually updated. Special attention was paid to the evolution of the comparison images from the lexico-semantic group “Absence of speech”: the authors concluded that it was expanded through derivation and synonymy, with the special role of stylistically marked words and phraseological combinations in updating traditional semantic invariant of the studied class of comparative tropes. The study results present a fragment of the metaphorical system of the Russian poetic language of the XIX–XXI centuries in its development.

Key words: personification, poetic language, metaphor, comparative trope, lexico-semantic group, silence

For citation: Petrova, Z. Yu., Severskaya, O. I., Fateeva, N. A. Lexico-semantic group “Absence of speech” in Russian poetry: constructions of personification. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.811

REFERENCES

1. Amzarakova, I. P. Silence as a semiotic sign in culture and communication. *Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University*. 2013;4:23–27. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. Silence: contexts of use. *Logical analysis of language: The language of speech actions*. Moscow, 1994. P. 106–117. (In Russ.)
3. Babenko, N. G. The semantic complex “silence / dumbness” in the language of Russian poetry of the second half of the XX century. *Baltic Philological Courier*. 2003;2:69–89. (In Russ.)
4. Ioan esyan, E. R. Semantics of silence. *Linguistics and Language Teaching*. 2020;12(1):164–186. (In Russ.)
5. Kovshova, M. L. Cultural meanings and semantics of “words of silence”: research experience. *Under the sign of “meta”*: Proceedings of the conference “Languages and Metalanguages in the Space of Culture” at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, March 14–16, 2011. (Yu. S. Stepanov et al., Eds.). Moscow; Kaluga, 2011. P. 342–352. (In Russ.)
6. Maslova, V. A. Philosophy and poetics of silence through the prism of Russian poetry of the XX century. *Culture of the Peoples of the Black Sea Region*. 2004;2(49):130–133. (In Russ.)
7. Mukhametov, D. B. Silence as a component of Russian culture. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;5(3):77–82. (In Russ.)
8. Petrova, Z. Yu., Severskaya, O. I. Speaking world in the Russian poetry of the 18–20th centuries. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2018;1:78–90. (In Russ.)
9. Petrova, Z. Yu., Severskaya, O. I. Speaking human world in the Russian poetry of the 18–20th centuries. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2018;2:93–102. (In Russ.)
10. Rybachenko, T. L. The meaning of silence in the lyric poetry of I. Brodsky. *The Siberian Journal of Philology*. 2011;2:85–100. (In Russ.)
11. Severskaya, O. I. From silence to murmur and speaking: on poetic langue, langage and parole. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2015;1:11–16. (In Russ.)
12. Shabanova, Ya. V. Speech act “Silence” in the structure of verbal and non-verbal communication. *Language, communication and social environment*. Issue 7. Voronezh, 2007. P. 183–192. (In Russ.)
13. Shvedova, N. Yu. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Vol. 4. Moscow, 2007. 952 p. (In Russ.)
14. Epstein, M. Word and silence in Russian culture. *Zvezda*. 2005;10. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/10/slovo-i-molchanie-v-russkoj-kulture.html> (accessed 01.07.2022). (In Russ.)
15. Ephratt, M. Verbal silence as figure: Its contribution to linguistic theory. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*. 2016;52(1):43–76.
16. Lo Yimon “A Tale of Silent Suffering”: Wordsworth’s poetics of silence and its function of reintegration. *Journal of the English Association*. 2020;69(264):25–41.
17. Semantics of silences in linguistics and literature (Anglistische Forschungen Bd. 244). (G. Grabher, U. Jessner, Eds.). Heidelberg, 1996. 370 p.
18. Shcherbak, N. F., Potienko, V. I. Linguistic and psycholinguistic aspects of silence: A structural model of communication. *DISCOURSE*. 2021;7(3):20–35.

Received: 6 August, 2022; accepted: 5 September, 2022